

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-101-118

УДК 327.56

С.В. Мельникова

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454 г. Москва, Российская Федерация

Затяжной конфликт: сущность и подходы к урегулированию

Предметом исследования является феномен затяжного конфликта в международных отношениях. Актуальность данной проблематики в научной и аналитической работе обусловлена тем, что на сегодняшний момент в мире наблюдаются радикальные системные трансформации, а также рост уровня насилия, эскалация застарелых конфликтов, изменение баланса сил и оформление новых полюсов силы. В статье уделяется особое внимание установлению отличительных характеристик затяжного конфликта и разработке определения такого вида конфликтов. Через изучение уже существующих теорий международных конфликтов автор восполняет некоторый пробел в современной конфликтологии, предпринимая попытку дать теоретическое оформление такому понятию, как затяжной конфликт. Автор приходит к выводу, что затяжной конфликт представляет собой форму взаимодействия двух или более акторов, осознающих несовместимость целей друг друга, возникающий, как правило, вокруг базовых потребностей и/или ценностных оснований в условиях общесистемной нестабильности, развивающийся циклично на фоне формирующегося особого общественного дискурса и особой коллективной идентичности. В качестве наиболее приемлемого подхода к урегулированию конфликтов такого рода предлагается не просто построение новой архитектуры отношений между

© Мельникова С.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

сторонами, но и трансформация самих сторон через формирование особого алгоритма, который мог бы применяться третьей стороной в переговорах. Такой алгоритм должен быть разработан с опорой на политологические, конфликтологические, а также психологические исследования.

Ключевые слова: затяжной межгосударственный конфликт, мирное урегулирование, переговоры, военное противостояние

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мельникова С.В. Затяжной конфликт: сущность и подходы к урегулированию // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 101–118. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-101-118

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-101-118

S.V. Melnikova

MGIMO University,
Moscow, 119454, Russian Federation

Protracted conflicts: Essence and approaches to settlement

The subject of the study is the phenomenon of protracted conflict in modern international relations. The relevance of this issue in scientific work is due to the fact that at the moment there are radical systemic transformations in the world, as well as an increase in the level of violence, escalation of long-standing conflicts, a change in the balance of power and the formation of new poles of power. Within the framework of the article, the author pays special attention to establishing the distinctive characteristics of a protracted conflict and developing a clear definition of this type of conflict. Through the study of already existing theories of international conflicts, the author fills in a gap in modern conflictology, attempting to give a theoretical formalization to such a concept as a protracted conflict. The author concludes that protracted conflict is a form of interaction between two or more actors who are aware of the incompatibility of each other's goals, arising around basic needs and/or value bases in conditions of system-wide instability, developing cyclically against the background of an emerging special public discourse and a special collective identity. As the most acceptable approach to resolving conflicts of this kind, it is proposed not only to build a new architecture of relations

between the parties, but also to transform the parties themselves through the formation of a special algorithm that could be used by a third party in negotiations. Such an algorithm should be developed based on political science, conflict studies, as well as psychological research.

Key words: protracted interstate conflict, peaceful settlement, negotiations, military confrontation

FOR CITATION: Melnikova S.V. Protracted conflicts: Essence and approaches to settlement. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 101–118. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-101-118

Введение

Научная работа по исследованию конфликта как важного проявления человеческих отношений на основе междисциплинарного подхода и многофакторного анализа активно развивается лишь с недавнего времени – со второй половины XX в. [19, p. 24–26]. Это, безусловно, указывает на необходимость продолжать работу по исследованию различных аспектов конфликта, а также развивать уже существующие алгоритмы по мирному урегулированию и предлагать новые.

Международно-политический ландшафт претерпевает значительные изменения, динамично преобразующаяся реальность диктует необходимость понимания природы, генезиса и динамики международных конфликтов. При этом современной конфликтологии до сих пор свойственна некоторая терминологическая неопределенность. Некоторые понятия так и не получили единого определения, что, безусловно, осложняет исследовательскую работу в этом направлении [4].

Серьезной научной и правовой проблемой является отсутствие закрепленного определения и устоявшихся характеристик «застарелого» или «затяжного» конфликта. При этом в 2017 г. Университетский центр политических исследований Организации Объединенных Наций (ООН) опубликовал доклад, в котором говорилось, что 60% конфликтов, которые были приостановлены в начале 2000-х гг., возобновились в течение следующих пяти лет [15]. Это говорит о высокой актуальности научной работы по формированию концептуальной базы для изучения затяжных конфликтов.

В данной статье автор рассматривает межгосударственные «затяжные» конфликты на примере палестино-израильского и кашмирского конфликтов. Целью данной статьи является выявление ряда отличительных характеристик затяжного противостояния с тем, чтобы дать определение этой категории межгосударственных конфликтов.

Теоретическая база исследования и методы

Через изучение конфликтов исключительной продолжительности (кашмирского и палестино-израильского) автор приходит к пониманию необходимости теоретического обоснования и определения затяжных или застарелых конфликтов, т.к. данная проблема не представляется разработанной в достаточной степени.

Базовыми теориями, на которых строится исследование, являются теория неразрешимых конфликтов П.Т. Колемана, теория конструктивных конфликтов Л. Крисберга, а также теория позитивного мира Й. Галтунга.

Сущность затяжного конфликта

С одной стороны, очевидно, что «застарелым», «затяжным» или «исключительно продолжительным» конфликт можно назвать в случае, если он длится на протяжении нескольких десятилетий. С другой, не совсем понятно, в какой момент обычный вооруженный конфликт приобретает статус «застарелого/затяжного», сколько лет для этого он должен продлиться, какие отличительные черты получить. Такого юридического понятия как «затяжной вооруженный конфликт» не существует, что во многом обусловлено сложным характером такого противостояния [8].

Конфликты исключительной продолжительности в литературе называют по-разному: «застарелыми», «замороженными», «затяжными», «тлеющими».

При изучении академических статей, посвященных конфликтам в Абхазии, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Южной Осетии, Косово, можно увидеть, что их определяют как «замороженные». Можно сказать, что «замороженные конфликты» – это конфликты, которые уже вышли из горячей фазы, но политическое урегулирование так и не было достигнуто [1]. Кажется, что здесь нет противоречия, однако представляется, что термин «замороженный конфликт» не отражает истинной сущности изучаемого феномена, т.к. указывает на статичность и отсутствие какой-либо динамики, что не соответствует реальности.

В рамках данной работы автор будет придерживаться термина «затяжной конфликт». В отечественной литературе существует ряд исследований, в которых успешно обосновывается правомерность употребления термина «затяжной» для характеристики такого рода противостояния. Представляется, что понятие «затяжной конфликт» наиболее точное, в достаточной степени нейтральное и указывающее на процесс, а не на статику [5].

В англоязычной литературе существуют как минимум два термина, в высокой степени отражающих понятие «затяжной конфликт»: *protracted* (англ. 'затянувшийся, длящийся дольше, чем обычно') и *intractable* (англ. 'трудноразрешимый').

Классический межгосударственный конфликт всегда проходит несколько стадий. Началом всегда будет точка столкновения интересов, и в случае, если не удастся найти взаимоприемлемого выхода с помощью переговоров, наступает точка военной эскалации, перетекающая в горячую фазу конфликта. Как писал П. Сорокин, «усиление конфликта означает, что скрытый антагонизм приобретает открытую форму – форму явного насилия, чинимого одной стороной над другой» [7, с. 122].

За горячей фазой, как правило, следует этап прекращения огня и фаза мирных переговоров. Классический межгосударственный конфликт завершается подписанием мирных соглашений, в рамках которых стороны разрешают установившиеся противоречия с учетом своих переговорных позиций, сформированных, среди прочего, результатами военных действий.

Л. Крисберг, например, предлагал еще более сложное разделение конфликтного цикла на фазы: 1) оформление конфликтной ситуации; 2) осознание стороной А того, что ее цели несовместимы с целями стороны Б и, наоборот, что представляет собой формирование субъективной составляющей конфликта; 3) определение сторонами способов достижения цели, утверждение стратегии и тактики; 4) фаза прямого столкновения сторон (горячая фаза); 5) завершение конфликта [19, р. 122–124].

В затяжном же конфликте после прекращения огня не наступают мирные переговоры, либо в их ходе не достигается взаимоприемлемых соглашений. Также возможна ситуация, когда соглашения все-таки подписываются, однако всех противоречий, легших в основу конфликта, они не разрешают. В таком случае спустя некоторое время конфликт вновь вступает в фазу столкновения интересов, замыкая тем самым один конфликтный цикл и начиная другой.

Так, одним из основных отличий разрешимого конфликта от затяжного (трудноразрешимого) является то, что затяжной конфликт – это всегда череда конфликтных циклов (столкновение интересов – эскалация – деэскалация). В нем конфликтные циклы сменяют друг друга, и эта смена может растянуться на несколько десятилетий, в течение которых во враждующих обществах формируется особая коллективная идентичность. Именно она со временем ложится в основу застарелого

конфликта. И даже когда области столкновения интересов размываются и, возможно, изначальные противоречия становятся менее острыми, конфликт не разрешается, т.к. сохраняется конфликт идентичностей.

То есть важной характеристикой, которая отличает затяжной конфликт от обычного, должна быть, как ни парадоксально, не характеристика времени («долгий»), а характеристика цикличности. Затяжные конфликты развиваются не линейно, а циклично: с каждым циклом они проходят одни и те же фазы, но фазы мирного и постконфликтного урегулирования не достигаются. Каждый новый цикл отличается от предыдущего только уровнем человеческих, экономических и имиджевых потерь для каждой из сторон.

Однако описанное выше – это только механизм функционирования застарелого конфликта, но не объяснение его природы и не ответ на вопрос, почему конфликтные циклы повторяются, а не завершаются мирными договоренностями.

Так, например, в рамках индо-пакистанского противостояния конфликтные циклы повторяют друг друга, развиваясь по одинаковому сценарию: деятельность кашмирских фундаменталистов и сепаратистов, поддерживаемых Пакистаном, и осуществляемые ими террористические акции приводят к тому, что индийское руководство широко применяет карательные меры в подконтрольных частях Кашмира, а также иногда осуществляет точечные авиаудары по территории Пакистана, объясняя это тем, что там находятся лагеря боевиков. После этого Пакистан как внутри, так и на различных международных площадках говорит об индийской агрессии и о беспрецедентном нарушении прав кашмирцев индийским руководством [2].

По такому сценарию протекали события и 1990-х, и 2000-х гг. В рамках недавнего эпизода эскалации в 2019 г. после подрыва индийской армейской колонны в Джамму и Кашмире последовал жесткий ответ Индии и упразднение особого статуса для бывшего штата Джамму и Кашмир. Более того, в Индии прошли протесты, участники которых призывали привлечь виновных к ответственности, а индийские власти обещали дать максимально жесткий ответ на действия Пакистана, вину которого не подвергали сомнению. Затем ВВС Индии нанесли массированный удар по находящемуся на пакистанской территории лагерю «Армии Мухаммеда».

При этом данные акции, которые в большей степени являются действиями демонстративными, никак не влияют на динамику конфликта. Вероятнее всего, к обозначенному и другим похожим терактам причастны радикальные группы, связанные с Пакистаном, но не непосредственно

пакистанские власти. Благоприятно на разрешении индо-пакистанской конфликтной ситуации сказалось бы совместное расследование с привлечением международных экспертов. В то время как отзыв дипломатов и ответные военные акции только замыкают один конфликтный цикл и начинают другой.

Модель течения палестино-израильского конфликта также циклична. В ответ на регулярные эпизоды нарушения перемирия «Исламским движением сопротивления» (ХАМАС), в частности, ракетные обстрелы Израиля или теракты, израильское руководство объявляет о начале военной операции, призванной «уничтожить лидеров ХАМАС или его военную» инфраструктуру, которое через некоторое время заканчивается установлением режима прекращения огня. Примерами таких операций являются операции «Литой свинец» (2009 г.), «Облачный столп» (2012 г.), «Нерушимая скала» (2014 г.) и др. Одной из самых масштабных операций стала операция «Железные мячи», которая была начата в ответ на вторжение боевиков ХАМАС в Израиль в октябре 2023 г.

Важными для исследования затяжных конфликтов являются работы П.Т. Колемана – известного специалиста в области конфликтного и постконфликтного урегулирования. В своей работе «Неразрешимый конфликт» он предлагает ясную точку зрения на особенности и характеристики затяжного конфликта [14, р. 533–559].

Он считает, что базовым контекстом развития конфликтных отношений затяжного противостояния (*intractable conflict*) является *фоновое обостренное ощущение несправедливости* у сторон-участников, длительная история ущемления прав местного населения, эпизодов насилия и давления, оказанного одной из сторон на другую. В то время как в конфликте, который поддается урегулированию (*tractable*) и не является затяжным, вопросы несправедливости стоят не так остро, отсутствует фундамент многолетнего давления на одну из сторон или ущемления политических и гражданских прав. Другими словами, стороны относительно равны.

Достаточно распространенным проявлением этого феномена «обостренного ощущения несправедливости» является общественно-политический дискурс сторон-участниц конфликта. Так, травмирующее прошлое оказывается «вплетено» в текущую реальность.

В палестинских источниках часто встречается утверждение, что палестинская национальная идентичность имеет давнюю историю, восходящую к ханаанским городам-государствам, которые находились на территории современного Израиля еще во второй половине II тыс. до н. э. [9]. Аналогичным образом, евреи обосновывают свои притязания

на территорию историческими событиями, которые имели место более 4 тыс. лет назад, а также мифами и легендами, изложенным в Библии и различных других религиозных текстах. Обе группы «встраивают» текущий конфликт в национальную историю, вместе с глубоким чувством несправедливости, не всегда признаваемым адекватным другой стороной, которая озабочена своим собственным трагическим национальным опытом. Также история самого конфликта интерпретируется сторонами по-разному, в частности, причины конфликта, значение событий и роль, которую играют внутренние и внешняя политика сторон на различных этапах противостояния.

Кроме того, терминология играет важную роль в формировании восприятия противоречивых нарративов. Терминология стала базовой для построения модели мышления, через которую воспринимается конфликтная ситуация. Например, палестинцы называют события 1948 г. *al-nakba/al-karithah* ‘бедствие, катастрофа, стихийное бедствие’ в знак признания национальной трагедии, вызванной их изгнанием со своей родины в Палестине. Израильяне же называют эти события «войной 1948 года», «войной за независимость/освобождение» [21].

Подобные застывшие репрезентации прошлого могут выступать в качестве барьеров для мирного разрешения. Примирение требует формирования нового общего взгляда на прошлое, по крайней мере, признания того, что существуют два нарратива, что пострадали обе стороны и что есть жертвы с обеих сторон.

В целом, с Колеманом солидарен другой исследователь, Э. Азар, который пишет о том, что корни застарелых конфликтов уходят в историю колониализма, имеют в своем ядре проблему расизма, сексизма или нарушений прав человека. Этот исторический фон определяет как внешнюю политику государств, так и внутренний дискурс. Сохранение несправедливой, например, иерархической структуры взаимоотношений (по восприятию сторон) увековечивает конфликт [10].

Распространенной практикой можно назвать то, что обозначенное чувство несправедливости укрепляется через внутреннюю политику государств. Например, в политике Индийской народной партии (Bharatiya Janata Party), правящей партии Индии, кашмирской проблеме уделяется особое место. Очевидно, стоит задача легитимизации притязаний Индии на Кашмир через выстраивание особого исторического нарратива, на формирование общественной убежденности в том, что в центре конфликтной ситуации – гонения и ущемления прав индусов, проживавших и проживающих на территории Кашмира. За последние 5 лет (с 2019 г.) в индийском академическом и научном пространстве было опубликовано существенное количество работ по истории

Кашмира, о жизни индусов в Кашмире, о гонениях и дискриминации, с которыми они сталкивались.

Так, в рамках таких неправительственных организаций, как, например, Индийский совет по историческим исследованиям (The Indian Council of Historical Research), созданный Министерством образования Индии, среди прочего, был организован не один цикл лекций по обозначенным выше темам на разных площадках страны. В годовых отчетах совета в большом количестве встречаются такие темы, как «Борьба за правое дело: пандиты и борьба за свободу в княжеском штате Джамму и Кашмир», «Влияние борьбы за свободу индусов на государственное устройство Джамму и Кашмира (1857–1947)», «Раджиндер Сингх – спаситель Кашмира», «Определяющая роль индийской культуры в истории Кашмира»¹ и аналогичные.

Отличительной чертой затяжного конфликта можно считать и то, что его международно-политическим контекстом, как правило, является *нестабильность*: политические, экономические потрясения и изменение архитектуры международных отношений в целом усугубляют течение конфликта, повышая вероятность его перехода в состояние «хронического» – затяжного. Так, два хрестоматийных затяжных конфликта – арабо-израильский и кашмирский (или индо-пакистанский), если и не начались (многие специалисты находят их корни еще в XIX в.), то получили свое развитие, перешли в горячую фазу сразу после Второй мировой войны, т.е. на фоне серьезной нестабильности и реорганизации всех международных связей.

И, напротив, в случае если конфликт формируется в более предсказуемых стабильных условиях (прослеживается более или менее эффективная работа международных институтов, присутствует баланс сил в регионе и/или мире), вероятность того, что его можно будет разрешить, намного выше.

Чтобы увидеть отличие затяжного конфликта от обычного, необходимо изучить, что именно лежит в основе этих конфликтов, т.е. что является *предметом спора*. В основе любого конфликта лежит столкновение интересов вокруг некоего ограниченного ресурса, другими словами, противоречие вокруг чего-либо. Так, в случае если ресурс так или иначе делим, его принадлежность обсуждаема, и это обсуждение может обеспечить относительную удовлетворенность всех сторон, можно говорить о «разрешимом» конфликте. Существуют исследования, которые

¹ Indian Council of Historical Research. Annual Report. 2020–2021. URL: http://ichr.ac.in/upload/uploadfiles/files/Annual_Report_2020-2021.pdf (assessed 02.06.2024); Indian Council of Historical Research. Annual Report 2021–2022. URL: http://ichr.ac.in/upload/uploadfiles/files/Annual_Report_2021-2022.pdf (assessed 02.06.2024).

выделяют базовые предметы конфликта, среди которых: территориальные претензии, недовольство внутренним политическим режимом, социальное и политическое неравенство, стремление к национальному суверенитету, экономические проблемы [18].

В затяжном же конфликте, напротив, его *предмет* состоит из множества проблемных пластов. То есть ресурс неделим, споры возникают вокруг наиболее важных дилемм человеческого и социального существования. Это полярности (структурированные противоречия), противоположные потребности и принципы. Попытки разрешить эти противоречия, как правило, вызывают у сторон отторжение и, в некоторых случаях, еще большую агрессию. Среди таких проблем – вопросы идеологии, ценностей, религии, сакральных аспектов общественной культуры, безопасности и базовых потребностей.

Правда, важно отметить, что обозначенные выше ценностные основания противоречий часто бывают скрыты под слоем противоречий материальных (территория, полезные ископаемые и др.). Иногда кажется, что конфликт разгорелся из-за материального ресурса, но это может быть лишь поводом для эскалации или лишь декларируемой причиной. В затяжных конфликтах сами по себе территория или финансовый ресурс не являются истинными основаниями противостояния. Истинными будут обозначенные выше более глубокие, нематериальные противоречия, которые на протяжении конфликта будут сообщать сакральные символические оттенки и материальным аспектам спора.

Другими словами, если изначально предметом конфликта было столкновение интересов по вполне материальному вопросу, с течением времени основание меняется. Опыт конфликтного противостояния, приобретенный обществом и правительством по прошествии ряда конфликтных циклов, влияет на их восприятие конфликтной ситуации. Формируется слой ценностных противоречий. Территория Кашмира, несмотря на всю его стратегическую важность, давно не является для Индии вопросом исключительным. Однако эта территория уже приобрела некий сакральный статус, и теперь отказаться от притязаний на нее просто невозможно.

Психологический фактор играет важнейшую роль в формировании затяжного конфликта. Во многих трудноразрешимых конфликтах отношения между сторонами развиваются в условиях, когда социальные контакты между представителями враждующих групп ограничены. Отсутствие контактов приводит к тому, что в обществах формируются абстрактные, стереотипные образы «Другого», усиливается чувство враждебности к представителям аут-группы, происходит демонизация и дегуманизация противника. Негативное отношение дополнительно

усиливается под влиянием пропагандистского аппарата, который, как правило, работает особенно эффективно в государствах, вовлеченных в конфликт.

В обществах, вовлеченных в затяжной конфликт, формируются оппозиционные друг другу коллективные идентичности, т.е. идентичности, основанные на отрицании идентичности противника. События (военные столкновения, убийства гражданских лиц, террористические акты, акты вандализма и пр.), происходящие в ходе очередного конфликтного цикла, формируют определенный внутригрупповой дискурс и обостряют коллективное чувство ненависти, желание возмездия и отмщения, что порождает идею о невозможности мирного сосуществования («либо мы, либо они») [21].

Более того, самоидентификация таких обществ происходит на основании отрицательной установки: «мы – не они» [22, р. 31–64.]. Таким образом, начало мирного процесса осложняется еще и тем, что его успешное окончание будет означать для государства и общества необходимость искать новые основания своей коллективной идентичности.

Затяжные конфликты отличаются от обычных тем, что они повсеместны, т.е. проявляются во всех сферах общественной жизни. Сферы науки и образования в государствах-участниках застарелых конфликтах работают на обеспечение обоснованности государственных претензий в рамках конфликта и обеспечение общественной консолидации вокруг официальной позиции страны. Из государственного бюджета выделяются средства на исторические, социологические, политические исследования, имеющие целью объяснить правомерность государственных притязаний в рамках конфликта. Школьные, университетские программы, кинематограф и даже спорт служат этой цели.

Тут надо сказать, что на фоне любого конфликта происходит процесс легитимации войны. В каждом обществе насилие осуждается, поэтому необходимы веские политические, исторические, экономические обоснования его применения, в частности, через культуру, науку и СМИ [24, р. 161]. Однако в застарелых конфликтах, в силу длительности противостояния, меры по легитимации войны приобретают системный характер и, в долгосрочной перспективе, оказывают большее влияние на общественное сознание. В литературе даже встречается такое понятие, как «продолжительное насилие». Под ним подразумеваются такие проявления давления, как, например, строительство поселений на спорных территориях, медленное присвоение земли, осушение ее водных ресурсов, что является смертельным для местного населения, но эффект достигается не сразу, а в течение многих лет.

Следует отметить, что вышеперечисленные факторы лишь увеличивают вероятность перетекания обычного военного конфликта в затяжной. Всегда сохраняется возможность разрешить конфликт, даже в ситуации высокой неопределенности или в случае наличия истории принуждения одной стороны другой стороной, обостренного чувства несправедливости и т.д. Однако если все указанные факторы одновременно влияют на развитие ситуации или лишь некоторые, но особенно интенсивно, можно с высокой долей вероятности утверждать, что конфликт окажется затяжным, а достижение мирного урегулирования крайне маловероятно в ближайшем будущем.

Даже наиболее хрестоматийные примеры затяжных конфликтов – палестино-израильский и кашмирский – не были изначально «неразрешимыми», а приобрели этот статус значительно позже, по прошествии нескольких конфликтных циклов.

Подходы к урегулированию

Существует целый ряд теорий конфликтного урегулирования. Среди недавно разработанных – модель разрешения конфликтов, которая определяет шесть независимых переменных как основных предпосылок прекращения межгосударственных конфликтов: физическое и/или психологическое истощение одной стороны или обеих; изменение в балансе целей и возможностей; внешнее давление на одного или нескольких противников с целью мирного урегулирования; внутреннее давление на одного или нескольких противников; сокращение числа несогласованных целей; уменьшение количества факторов, способствующих поддержанию конфликта. Ни одно из этих условий не считается необходимым для разрешения конфликта. Основной постулат этой модели заключается в том, что наличие любого из шести условий существенно повышает вероятность разрешения конфликта: чем большее их число соблюдается, тем больше вероятность того, что конфликт будет разрешен. И, конечно, когда все шесть условий соблюдены, разрешение конфликта практически гарантировано [11, р. 131–146]. Однако модель работает иначе в затяжных конфликтах, в которых, как правило, лица, принимающие решения, воспринимают позитивные изменения (соблюдение одного из этих условий) как враждебные. Степень угрозы, исходящей от противника, его реальные возможности, как правило, существенно преувеличены, и чем дольше длится конфликт, тем серьезнее эти искажения.

Классики теории социальных конфликтов Б. Боулдинг, Й. Галтунг, Р. Дарендорф, Л. Дозер, Р. Коллинз рассматривают конфликт как позитивно-функциональный процесс преобразования общественной жизни

(международно-политической, если речь идет о конфликтах межгосударственных), как средство разрешения возникающих противоречий [3, с. 15]. Из этого следует, что в случае затяжного конфликта конфликт является неэффективным средством для разрешения противоречий, и необходимо искать иной способ.

Оставаясь неразрешенными в течение долгого времени, затяжные конфликты развиваются циклами большей и меньшей интенсивности. В их центре оказываются потребности или ценности, имеющие фундаментальное значение для сторон. Конфликт затрагивает все аспекты жизни, и стороны не видят иного способа прекратить борьбу как деструктивную модель кооперации, кроме как полностью уничтожив другую сторону. Такие конфликты не поддаются обычным методам разрешения, таким как переговоры или дипломатия.

Насилие практически во всех культурах воспринимается как неприемлемое средство достижения целей. Одной из особенностей затяжных вооруженных конфликтов является то, что насилие постепенно становится видом нормы [13, р. 332–334].

Представляется, что для разрешения застарелого конфликта необходимо не просто построение новой архитектуры отношений между сторонами, но и трансформация самих сторон [16]. В этой связи особенно интересен подход Л. Крисберга к изучению трансформации конфликта от деструктивного к конструктивному, от насильственных действий к прекращению огня и затем к устранению причин противостояния [6]. С его точки зрения, для трансформации необходимо изменить поведение участников конфликта: заставить их отказаться от практики навязывания собственной позиции и начать движение в сторону кооперации.

Теоретически такая работа должна проходить в рамках концепции «позитивного мира» на всех стадиях конфликтного цикла. Теория конфликта подразумевает разделение на «негативный» и «позитивный» мир. «Негативный мир» – это отсутствие прямых всплешек контроля через силовое их подавление и жесткий контроль неудовлетворенных слоев общества. «Позитивный мир» – относительно гармоничные социальные отношения, которые обуславливают отсутствие насилия. Представляется, что такая работа возможна только через посредничество.

Й. Галтунг предлагает выстраивать работу по урегулированию комплексного противостояния в рамках ряда этапов: начинать с определения сторон конфликта и их интересов (*mapping*), затем переходить к анализу того, насколько выявленные цели сторон легитимны (*legitimizing*). Это можно делать, рассматривая цели через призму международного права, прав человека и базовых человеческих потребностей. Однако задача не является тривиальной: если категория международного

права наиболее институализирована и соответствие или несоответствие ей очевидно, то определить соответствие цели общему пониманию прав человека сложнее, т.к. это понятие не так четко оформлено. Вопрос о базовых потребностях человека самый сложный, поскольку это наиболее размытая категория, понимаемая по-разному [17, р. 131–145].

В самом общем виде, вне зависимости от того, какая теория взята за основу, универсальными потребностями считаются: безопасность, экономическое благосостояние, принадлежность группе и оформленная идентичность, признание и независимость. Целый ряд конфликтологов уделяет особое внимание неудовлетворенности базовых потребностей как фундаменту, на котором стоит конфликт.

Так, американский исследователь Д. Бертон подчеркивает важность анализа базовых человеческих потребностей и степени их удовлетворенности в рамках работы по изучению и, тем более, разрешению затяжного конфликта. Он также отмечает, что выявленная неудовлетворенность всегда существует в определенных социальных рамках, т.е. подкреплена политической и экономической организацией жизни общества, которую в ряде случаев необходимо перестраивать для разрешения конфликтной ситуации [12].

Безусловно, на практике это трудновыполнимо, однако единственной альтернативой обозначенного подхода является продолжение циклического развития затяжного конфликта, который будет тлеть до тех пор, пока одна из сторон не прекратит свое существование физически.

Как показывает практика, посреднические усилия в затяжных конфликтах часто приводят к ухудшению обстановки, росту напряженности, а порой и к очередному витку эскалации. Это происходит, потому что в процессе работы посредников часто еще ярче высвечивается разница между обещаниями и ожиданиями, с одной стороны, и суровой реальностью – с другой.

Посредническая деятельность эффективна, только если она нацелена на изменение отношений между сторонами и на достижение долгосрочного «позитивного» мира. Другими словами, третьи стороны, которые хотя бы вывести конфликт за рамки деструктивной динамики, должны способствовать не только урегулированию конфликта, но и созданию «позитивного мира». Для этого нужно «заставить» стороны не только демобилизовать вооруженные силы, но и «демобилизовать умы» [23].

«Демобилизация умов» подразумевает достижение примирения на каждом общественном уровне: государственном, местном и личном. Надо понимать, что в межгосударственном конфликте стороны не гомогенны. Они образованы различными социальными группами, каждая

из которых имеет свои интересы, ценности, потребности, цели. Дополнительным аспектом является внешнее влияние, которому в серьезной степени подвергается конфликт.

Таким образом, посредник в лице третьего государства или надгосударственной организации должен работать в сцепке с аналитиками, экспертами по региону и исследователями конфликтов как таковых, чтобы разрабатывать стратегию работы с каждой отдельной группой внутри сторон конфликта.

Только так, после выявления целей сторон, интересов и степени удовлетворенности их базовых потребностей, можно начинать работу над мирной инициативой.

Если оставить за скобками распространенную практику предвзятого посредничества в затяжных конфликтах и рассматривать исключительно нейтральное, то его самой распространенной проблемой будут максимально общие формулировки, стандартизация подходов, а также работа исключительно с материальным предметом конфликта и далеко не со всеми группами интересов.

Затяжной конфликт развивается на протяжении десятилетий. Как уже было отмечено, материальный предмет спора трансформируется в нематериальный, меняются цели сторон, идентичность и нарратив. Более того, в затяжных конфликтах всегда больше двух противоборствующих сторон. Это означает, что для его разрешения необходимо учесть интересы всех сторон, а также обеспечить реализацию их целей в случае, если эти цели легитимны.

Дж. Галтунг в своей лекции по урегулированию сложных конфликтов иллюстрирует положение о многосоставности сторон конфликта предположением о том, что договоренности Осло, достигнутые в рамках палестино-израильского мирного процесса в 1990-х гг., не привели к разрешению конфликта, т.к. в процессе обсуждения были представлены далеко не все стороны противостояния. По его словам, «норвежские договоренности были заключены между левыми израильтянами и правыми палестинцами. Включение в работу правых израильтян и левых палестинцев увеличило бы шансы на достижение позитивного мира. В реальности же исключенность важных групп интересов из процесса привело как минимум к убийству И. Рабина и росту популярности ХАМАС»².

Дополнительно подход к разрешению затяжного противостояния должен основываться на укреплении доверия между сторонами через работу

² Galtung J. Breaking the cycle of violent conflict. University of California Television. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=16YiLqftppo&t=2843s> (assessed: 02.06.2024).

над когнитивными предубеждениями. Также особую важность представляет историческая исследовательская работа по утверждению более объективного взгляда общества и элит на прошлое.

Отдельным и важным аспектом является крайне бережное отношение к опыту жертв конфликта. Как уже было отмечено, в рамках посреднической работы третья сторона часто прибегает к общим формулировкам, суть которых сводится к утверждению важности мира, преодолению противоречий, которые закономерно будут вызывать сопротивление у наиболее травмированной части общества. Эти формулировки ложатся в основу инициатив, делают документы по мирному процессу неконкретными и, как следствие, неэффективными.

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, можно предложить следующее определение застарелого (затяжного) конфликта: застарелый или затяжной конфликт представляет собой форму взаимодействия двух или более акторов, осознающих несовместимость целей друг друга, возникающий, как правило, вокруг базовых потребностей или ценностных оснований в условиях общесистемной нестабильности, развивающийся циклично на фоне формирующегося особого общественного дискурса и особой коллективной идентичности.

Распад биполярности, однополярный момент и современное формирование новых центров силы в системе международных отношений привели к тому, что в мире не просто возникает все больше конфликтов, а происходит обострение старых противоречий. Эта объективная реальность диктует необходимость анализа текущих процессов и разработки подходов к урегулированию застарелых, затяжных конфликтов.

Безусловно, проблемой является то, что проверить теории конфликтного урегулирования не всегда возможно. Проверить их практическую эффективность достаточно сложно, т.к. конфликт всегда часть системы и их взаимное влияние настолько велико, что воссоздать лабораторные условия, т.е. вынести за скобки, например, внешнее влияние, практически невозможно.

Как показывает практика, посреднические усилия и дипломатические инструменты не всегда эффективны. Однако на сегодняшний момент международное сообщество обладает только таким набором инструментов и представляется важным продолжать попытки его применять. Хотя бы для того, чтобы минимизировать количество жертв очередного конфликтного цикла.

Возможно, необходимо рассматривать каждый конфликтный цикл отдельно, т.к. конфликт динамичен и разные его этапы более или менее

конструктивны в зависимости от действий сторон или событий в социальной среде. Вероятно, имеет смысл сфокусироваться на том, чтобы снизить интенсивность следующего конфликтного цикла, если избежать очередной эскалации невозможно.

Библиографический список / References

1. Арбатова Н.К. Три измерения постсоветских «замороженных» конфликтов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 5. С. 88–100. [Arbatova N.K. Three dimensions of the post-soviet “frozen” conflicts. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63. No. 5. Pp. 88–100. (In Rus.)]
2. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. [Belokrenitsky V.Ya., Moscalenko V.N., Shaumian T.L. *Yuzhnaya Aziya v mirovoy politike* [South Asia in the world politics]. Moscow, 2003.]
3. Дериглазова Л.В. Конфликты в международных отношениях. Томск, 2013. [Deriglazova L.V. *Konflikty v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Conflict in international relations]. Tomsk, 2013.]
4. Кременюк В.А. Современный международный конфликт: проблемы управления // *Международные процессы*. 2003. Т. 1. № 1. С. 63–73. [Kremenjuk V.A. Managing contemporary international conflict. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2003. Vol. 1 (1). Pp. 63–73. (In Rus.)]
5. Растольцев С.В. Три мифа о «замороженных» конфликтах на постсоветском пространстве в Европе: критический анализ // *Международные отношения*. 2018. № 4. С. 82–94. [Rastoltsev S.V. Three myths about “frozen” conflicts in the post-Soviet region in Europe: A critical analysis. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. No. 4. Pp. 82–94. (In Rus.)]
6. Соломатина Е.Н., Игнатчук Я.Д. Концепция трансформации современных социальных конфликтов Льюиса Крисберга // *Теория и практика общественного развития*. 2016. № 7. С. 28–32. [Solomatina E.N., Ignatchuk Ya.D. The concept of transformation of modern social conflicts by Lewis Krisberg. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2016. No. 7. Pp. 28–32. (In Rus.)]
7. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. [Sorokin P. *Sotsialnaya i kulturnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. St. Petersburg, 2000.]
8. Худайкулова А.В. Международная конфликтология как наука и образовательная программа // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 61–73. [Khudaykulova A.V. International conflict studies as a research and teaching area. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2015. No. 3. Pp. 61–73. (In Rus.)]
9. Al-Hout B.N. *Filastin: The cause, the people, and the civilization*. Beirut, 2002.
10. Azar E.E. *The management of protracted social conflict*. Dartmouth, U.K., 1990.
11. Brecher M. *Theory III: Interstate conflicts*. Cham, 2018.
12. Burton J. *Conflict: Resolution and prevention*. N.-Y., 1990.

13. Brooks R. How everything became war and the military became everything. N.-Y., 2016.
14. Coleman P.T. Intractable conflict. Handbook of intractable conflicts: Theory and practice. Jossey-Bass, 2006.
15. Einsiedel S. Civil war trends and the changing nature of armed conflict. *United Nations University Centre for Policy Research*. 2017. No. 10. Pp. 1–10.
16. Galtung J. Peace by peaceful means. Peace and conflict, Development and civilization. Peace Research Institute Oslo. L., 1996.
17. Galtung J., Fischer D. Pioneer of peace research. Springer, 2013.
18. Holsti K.J. The state, war, and the state of war. N.-Y., 1997.
19. Kriesberg L. Constructive conflicts: From escalation to resolution. Lanham, Maryland, 1998.
20. Lyall J. Divided armies: Inequality and battlefield performance in modern war. Princeton, 2020.
21. Rouhana N.N., Bar-Tal D. Psychological dynamics of intractable ethnonational conflicts: The Israeli-Palestinian Case. *American Psychologist*. 1998. Vol. 53. No. 7. Pp. 761–770.
22. Ricarte J. The impact of protracted peace process on identities in conflict. *Rethinking peace and conflict studies*. L., 2023.
23. Rosoux V. How to mediate a conflict. *International Affairs*. 2022. No. 98. (5). Pp. 1718–1735.
24. Wright Q. A study of war. Chicago, 1964.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024, принята к публикации 16.08.2024
The article was received on 02.07.2024, accepted for publication 16.08.2024

Сведения об авторе / About the author

Мельникова Софья Владимировна – кандидат исторических наук; преподаватель кафедры дипломатии факультета международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Sofya V. Melnikova – PhD in History; Lecturer at the Department of Diplomacy of the Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: sophiazavodnik@gmail.com